

RU

«Роман-миф» Г. Свифта: генезис и рецепция мифологии Фенов

Варёшин Н. В.

Аннотация. Цель предлагаемого исследования – выявление причин зарождения фенлендской мифологии, определяющей когнитивное мышление и жизненный цикл персонажей романа Г. Свифта «Земля воды». В статье поднимается вопрос о субъективном восприятии фенлендского мифа, которое, в зависимости от человека, может различаться. Автор работы предлагает на рассмотрение следующую типологию реципиентов мифа: первый тип людей превращает истории в сплетни, второй – преобразует «волшебную землю» в плодоносную из прагматических целей, третий – секуляризирует религиозные предания Фенов. Объясняется причина, по которой главный герой, учитель Том Крик, в юности отказывается от мифологического мышления, однако спустя годы объясняет своим ученикам особенности и негласные правила мифологии Фенов. Научная новизна заключается в том, что на материале произведения «Земля воды» автор статьи выявляет закономерности взаимосвязей мифологии Фенов с «большой историей» мира; объясняются нюансы воздействия мифологии на историю и наоборот; раскрываются исторические первопричины возникновения баек и сплетен. Результаты проведенного исследования показали, что, во-первых, легенды зарождаются в сознании фенменов в процессе созерцания пустоты «плоских Фенов»; во-вторых, субъективное восприятие мифа зависит от принадлежности человека к исторической действительности; в-третьих, учитель Крик мысленно возвращается к началу своей жизни (к мифам), чтобы попытаться избавить своих учеников от ужаса перед «концом истории».

EN

"Myth-Novel" by G. Swift: Genesis and reception of fenland mythology

Varyoshin N. V.

Abstract. The aim of the proposed research is to identify the reasons for the emergence of Fenland mythology, which defines the cognitive thinking and life cycle of characters in the novel "Waterland" by G. Swift. The article raises the question of the subjective perception of Fenland myth, which may vary depending on the individual. The author offers the following typology of myth recipients for consideration: the first type of people turns stories into gossip, the second transforms the "magical land" for practical purposes, and the third secularizes the religious beliefs of the Fens. The reason why the main character, the teacher Tom Crick, rejects mythological thinking in his youth but later explains to his students the peculiarities and unwritten rules of Fenian mythology, is explained. The scientific novelty lies in the author's identification, based on the work "Waterland," of the patterns of the relationship between Fenian mythology and the "grand history" of the world; the nuances of the influence of mythology on history and vice versa are explained; the historical root causes of the emergence of tales and gossip are revealed. The results of the study show that, firstly, legends arise in the consciousness of Fens during contemplation of the emptiness of the "flat Fens"; secondly, subjective perception of the myth depends on a person's connection to historical reality; thirdly, teacher Crick mentally returns to the beginning of his life (to the myths) to try to rid his students of the horror of the "end of history."

Введение

Актуальность исследования обуславливается неослабевающим до сих пор научным интересом к месту действия романа «Земля воды» (*Waterland*, 1983) – к болотистому краю Фены. Работы 2010-х гг., в которых рассматривается географический аспект, придающий произведению Грэма Колина Свифта (*Graham Colin Swift*, 1949) английский характер (Сатюкова, 2012), и изучается мифическое прошлое Фенов (Шанина, 2013), становятся теоретической базой для статьи «Фены как топос «сказочной страны» в романе Грэма Свифта «Земля воды» («*Waterland*»)» (Фомина, 2022). Новейшее исследование Д. Г. Фоминой (2022) показывает,

что территория Фенов амбивалентна. С одной стороны, болота – «место постоянного присутствия Бога» (Фомина, 2022); с другой – в этом пространстве бушует «разрушающая сила природных стихий» (Фомина, 2022).

Тема представляется нам важной для изучения, поскольку она позволяет раскрыть взаимосвязь героев романа с природой Фенов, а также подробнее исследовать феномен фенлендского суеверия, о котором в 1986 году говорили в интервью П. МакГрат и Г. Свифт (*Conversations with Graham Swift, 2020*). По словам писателя, в зависимости от персонажа, Фены можно трактовать по-разному. Беззлобный Дик Крик “seems to be much more part of primitive nature and its primitive cycles than any of the other characters in the book” (*Conversations with Graham Swift, 2020, p. 22*) / «вероятно, в большей степени, чем другие персонажи книги, является частью циклической природы в её первозданном виде» (здесь и далее – перевод англоязычных цитат автора статьи. – Н. В.). В то же время в пространстве фенлендской «ведьмы» Марты Клей царит суеверие в отрицательном смысле слова. Положительный же смысл оно обретает для фенменов, которые рассказывают истории, чтобы справиться с окружающей их пустотой: “Even telling stories is a kind of superstition... and it’s something very much needed by these people who happen to live in a landscape which almost says to them, look, reality is flat and empty” (*Conversations with Graham Swift, 2020, p. 23*). / «Даже рассказывать истории, в какой-то степени, суеверно... это очень нужно тем людям, которые, так случилось, живут в природной местности, которая практически говорит, что реальность – голая и пустая».

Выявление истоков фенлендской мифологии, кроме того, позволит тщательно исследовать начальную точку биографии главного героя, коренного фенмена Тома Крика, критически-ретроспективно осмысляющего своё «сказочное» детство. Том, в отличие от своих мифологических соотечественников, которые «оказываются тесно связаны с этой землей; борьба с болотами, с топью определяет их жизнь, их образ мыслей, само их существо» (Хабибуллина, 2015, с. 244), избирает иной жизненный путь и становится историком/учителем. Острота интересующей нас проблемы – эволюции Крика от мифологического мышления к историческому исследованию – обусловливается выводом С. А. Стринюк о том, что в романе «Земля воды» поднимается тема «существования человека во времена пересмотра его отношений с миром, трансформации жизненного пространства, включающего и пересмотр ценностных, нравственных, национальных и культурных ориентиров» (2003, с. 147).

Для достижения нашей цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) объяснить принцип, по которому в творчестве Г. Свифта коррелируют реальность и воображение;
- 2) выявить генезис мифологии Фенов;
- 3) описать типологию, образуемую реципиентами фенлендского мифа;
- 4) эксплицировать закономерность зарождения баек/слухов;
- 5) объяснить причину, по которой историк Том Крик рассказывает своим ученикам не только истории, но и мифы Фенов.

В настоящей статье используются биографический и культурно-исторический методы исследования. Биографический подход предполагает включение в рамки настоящего исследования тезисов из статей и интервью, в которых Г. Свифт разъясняет, как именно авторское воображение помогает воплотиться его художественному тексту, и эксплицирует метафорическое значение Фенов. Культурно-исторический анализ призван, во-первых, выявить закономерности рождения мифа и прояснить особенности его взаимодействия с исторической действительностью; во-вторых, объяснить такой феномен, как «мифологизация истории» (Бондарев, 2016); в-третьих, раскрыть последствия вовлечения фенменов, жителей когда-то изолированной от мира местности, в «большую историю» Европы.

В качестве материала для исследования были привлечены следующие источники:

- Габриэль Гарсиа Маркес рассказывает о себе и о своих книгах. <https://www.marquez-lib.ru/interview/marques-rasskazivaet-o-sebe-i-svoih-knigah.html>;
- «...Многое я рассказал вам впервые...» (Из беседы с советскими латиноамериканцами). 1980. <https://www.marquez-lib.ru/interview/mnogoe-ya-rasskazal-vam-vpervie.html>;
- Свифт Г. Земля воды / пер. с англ. В. Михайлина. М.: Э, 2017;
- Элиаде М. Миф о вечном возвращении // Элиаде М. Избранные сочинения. Миф о вечном возвращении. Образы и символы. Священное и мирское / пер. с фр. М.: Ладомир, 2000;
- Graham Swift on Last Orders, 25 years on: “I wasn’t born a writer – I had to become one” // The Guardian. 2021. January 16. <https://www.theguardian.com/books/2021/jan/16/graham-swift-on-last-orders-25-years-on-i-wasnt-born-a-writer-i-had-to-become-one>;
- Swift G. Introduction to the 25th Anniversary Edition // Swift G. Waterland. L.: Picador, 2010.

Теоретическую базу нашего исследования составляют русско- и англоязычные работы, в которых освещается проблематика романа «Земля воды», анализируются его главные темы, описываются особенности Фенленда. Е. Г. Сатюкова (2012), исследуя географический аспект романа, пишет, что для прозы англичанина Свифта характерна островная ментальность, а Фены окружены водой, как и Британские острова. Ю. А. Шанина (2013) изучает сюжетную роль мифологических аллюзий и приходит к выводу, что первоначальная идея, заложенная в древний миф, в XX веке переосмысливается, если не оспаривается. А. П. Бондарев (2016), ссылаясь на работу историка религии М. Элиаде (2000), на примерах из мировой литературы объясняет, как важные события интенируются в мифологическом/историческом мышлении. Д. Малкольм (Malcolm, 2003) посвящает главу своей монографии теме истории в романе «Земля воды» и пишет, что история Фенов идёт параллельно «большой истории» Европы. Один из тезисов в монографии Д. Ли (Lea, 2005) гласит, что Том Крик помещает самого себя в историю, рассказываемые им ученикам, чтобы освежить в памяти далёкие и неясные воспоминания.

Практическая значимость: материал, изложенный в настоящей работе, может быть использован при чтении лекционных курсов, а также при проведении семинаров по зарубежной литературе и по литературе стран первого изучаемого языка.

Обсуждение и результаты

Согласно творческой философии Г. Свифта, художественный вымысел вступает в тесную взаимосвязь с реальностью. Писатель убежден: “If fiction can come alive in this way then it will always be on the side of life, it will always have vitality” (Graham Swift on Last Orders..., 2021). / «Если вымысел сможет воплотиться таким образом (чтобы хорошая история увлекла читателя. – Н. В.), то он всегда будет находиться бок о бок с реальностью и непременно оживёт». Данная концепция позволяет писателю воссоздать болотистый край Фены, который родившийся в Лондоне Свифт в период работы над романом «Земля воды» не посещал, но созерцал: “...I'd seen the Fens, if only from a train window, and a mere sight can leave a haunting impression, but that was really the extent of my connection” (Swift, 2010, p. 6). / «...я видел Фены разве что из окна поезда, они могут врезаться в память с одного только взгляда – именно в этой степени я и связан с Фенами».

Итак, автор, используя силу воображения, предпринимает попытку познать смысл существования человека в Фенах и воссоздать жизненный путь Тома Крика: “A form exists where the imagination manages to touch the truth or draw very near to the truth of things that are not known through experience” (Conversations with Graham Swift, 2020, p. 89-90). / «Существует такая форма творчества, благодаря которой воображение способно соприкоснуться либо приблизиться непосредственно к истине, которая не познана из опыта». В воображении Свифта Фены становятся «сказочным» местом, где живут мифы и легенды, передаваемые из уст в уста; на болотах происходят вещи “in reality, very fantastical, in the sense of going beyond reality” (Conversations with Graham Swift, 2020, p. 86) / «...действительно в высшей степени фантастичные, т. е. переходящие границы реальности».

Как мы понимаем, на «фантастическое» содержание «Земли воды» повлияло знакомство Г. Свифта с известным романом Габриэля Гарсии Маркеса (1928-2014): “One Hundred Years of Solitude is another book which just bowled me over when I first read it” (Conversations with Graham Swift, 2020, p. 6). / «Другая книга, “Сто лет одиночества”, меня просто потрясла, когда я прочёл её впервые». Таким образом, в «Земле воды» присутствуют черты «магического реализма», а Фены, соответственно, – это край, в котором, говоря словами Г. Г. Маркеса, существует «магия реальности» или «магия реальной жизни» («...Многое я рассказал вам впервые...», 1980). Выявление и анализ признаков «магического реализма» в романе «Земля воды» – это перспективная задача для другого исследования. Сейчас мы, тем не менее, отметим положение, сближающее Г. Свифта с Г. Г. Маркесом: в произведениях колумбийского автора исследуются проблемы реального мира: «...ни в одной моей книге нет строчки, которая не уходила бы корнями в реальность» (Габриэль Гарсиа Маркес рассказывает...).

Наравне с Г. Свифтом, англоязычные (Cooper, 1996; Malcolm, 2003; Lea, 2005) и русскоязычные (Сатюкова, 2012; Шанина, 2012; 2013) исследователи ранее освещали вопрос о философском значении «сказочного» места действия в свифтовском «романе-мифе» (Шанина, 2013, с. 76) и намечали анализ Фенленда как художественного топоса.

В предисловии к роману Свифт писал: “The realization of their potential not just for physical atmosphere but for all kinds of metaphysical and metaphorical implication was one of the explosive stages in the novel's genesis” (Swift, 2010, p. 7). / «Одним из прорывных этапов создания этого романа было раскрытие потенциала Фенов – не просто для создания образа физической атмосферы болот, а для всех разновидностей сверхъестественного и метафорического смысла». Согласно интервью, для Свифта жизненный цикл бесполой угрей – это метафора “about history generally, and about our attempts to discover the origin of things” (Conversations with Graham Swift, 2020, p. 24) / «об истории в целом и о наших попытках познать первопричину вещей». Фены, по Свифту, отображают ход исторического процесса: “...the whole metaphor of the Fens... as embodying a process of history, human endeavor, an elemental struggle, preserving the land against water and flooding...” (Conversations with Graham Swift, 2020, p. 100-101). / «...в целом, болота – это метафора..., изображающая исторический процесс, человеческое стремление; противостояние стихий, не допускающее воду и потоп к земле».

По замечанию П. Купер, таинственная фенлендская пустошь приобретает в произведении Свифта аллегорический характер: “...the Fens become an occasion for allegory in the novel, a catchment zone for its various epistemological riddles” (Cooper, 1996, p. 372). / «...в романе Фены становятся основой для аллегории; зоной дренажа, хранящей множество эпистемологических загадок». Д. Малкольм трактует Фены как метафору “for the emptiness of human life, the inadequacy of human knowledge, and the oppressive absurdity of history” (Malcolm, 2003, p. 97-98) / «тщетности жизни человека, несостоятельности человеческого знания и давящей абсурдности истории». По мнению Д. Ли, Фены представляют собой конфликтное пространство: “Swift's Fenlands represent as a contested space wherein constitution and dissolution are in continual conflict” (Lea, 2005, p. 80). / «Фены Г. Свифта являются спорной территорией, где создание и разрушение находятся в постоянном конфликте».

В трактовке Е. Г. Сатюковой Фены – это «сказочная страна, священная земля. Её географическая особенность (плоский рельеф) свидетельствует об её уникальности, максимальной приближенности к великому Ничто, и даже богоизбранности» (2012, с. 151). Фенленд, воспринимаемый персонажами романа как мифическая страна, позволяет Г. Свифту реализовать концепцию извечного противостояния земли с водой, порядка с хаосом, жизни со смертью. На этих бинарных оппозициях, согласно выводам Ю. А. Шаниной, строится непосредственно центральный сюжет, поднимающий вопросы «высокой» литературы: «...бинарная модель мира романа, имеющая в своей основе мифопоэтическую традицию... придает любому уровню повествования романа философскую

глубину, выдвигает на первый план проблему смысла жизни и смерти человека» (2012, с. 279). Тезис о «Земле воды» как романе-мифе закрепляется исследовательницей в другой статье: «В то же время художественный мир произведения организован по законам мифомышления... что позволяет соотнести его с понятием роман-миф и поставить в один ряд с произведениями Г. Маркеса, Т. Манна, Д. Апдайка» (Шанина, 2013, с. 76).

Причиной, по которой Том Крик на уроках проводит пространственный экскурс в мифологию и историю Фенов, становится «большое заявление» ученика Прайса: история подходит к своему концу. Том сталкивается с когнитивными трудностями, рассказывая о Фенах, поскольку болотистый ландшафт, находящийся в тесной взаимосвязи с водой, пребывает в постоянной изменчивости. “The Fens are never a stable site, – пишет Д. Ли, – nor are they an immutable canvas upon which Crick can construct his family history with any degree of reliability” (Lea, 2005, p. 80-81). / «Фены не отличаются стабильным расположением... и не являются неизменным полотном, на котором Крик может с какой-либо степенью достоверности нарисовать историю своей семьи».

Убеждение Прайса восходит, на наш взгляд, к страху перед будущим, вызванным ужасающими историческими событиями 1970-х годов – «холодной войной» и гонкой ядерных вооружений. Учитель во многом разделяет опасения своего подопечного, однако, в отличие от Прайса, Крик наделён жизненным опытом, знает подоплёку истории своей семьи (предки рассказчика тоже страшились неизвестности) и руководствуется профессиональным навыком проецирования «малой» истории Фенов на «большую» историю европейской цивилизации, которая во многом опирается на мифологические модели. Так, революционеры М. Робеспьер и Ж.-П. Марат, по глубокому убеждению Тома, вдохновлялись историей Древнего Рима, для них «идеальным сценарием было убийство Цезаря» (Свифт, 2017, с. 203). Дело в том, говорит ученикам Крик, что любая революция, помимо радикальных социальных перемен, подразумевает попытку *возвращения* мира в исходную точку. Инициаторы революции стремятся к утверждению «наново – истинных и фундаментальных ценностей в противовес всему фальшивому и прогнившему» (Свифт, 2017, с. 201).

Прайс прерывает урок непосредственно о Французской революции, и, как мы понимаем, с этого момента в сознании Крика начинают моделироваться взаимосвязи между «большой» историей и «локальной» историей/мифологией Фенов. И революционеры в конце XVIII в., и предки рассказчика на рубеже XIX-XX столетий, и сам Том на протяжении всей своей зрелой жизни ностальгируют по прошлому после того, как история «успела наложить на нас лапу» (Свифт, 2017, с. 200). Ностальгия возникает как следствие кропотливого поиска тропы в «золотой век» человечества. Тот факт, что вдохновители Французской революции, Робеспьер и Марат, взяли за образец Древний Рим, позволяет нам сказать, что творение «искусственной истории» начинается с заворожённости человека мифом / естественной историей, которая «вечно возвращается туда, откуда пришла» (Свифт, 2017, с. 298). Принимая во внимание идею «мифа о вечном возвращении» (Элиаде, 2000) к естественности, мы выдвигаем следующий тезис: *сверхзадача Тома Крика – выявление логики тесного взаимодействия мифологии и истории.*

Мифологию плоских Фенов порождает в основном «водное» сознание разновозрастных людей, населяющих и возделывающих болота. Взрослые, откачивающие раз за разом прибывающую воду, понимают, что Фенленд «более всего приблизился к Ничто» (Свифт, 2017, с. 22), к водной поверхности. В свою очередь, дети фенменов, когда им читают книжки с картинками, на которых изображены холмы, подсознательно сравнивают горные пейзажи с окружающей их плоскостью. Сопоставляя рельефы, ребёнок проявляет любопытство к миру и спрашивает, «почему Фены плоские?» (Свифт, 2017, с. 22). Дальние предки Тома по отцовской линии, выросшие посреди этой неизменной пустоши, поколение за поколением рассказывали друг другу истории, чтобы справиться с реальностью, преодолеть флегматизм, попытаться перебороть «меланхолию и самоубийства в Фенах» (Свифт, 2017, с. 28). В процессе противостояния с пустотой – говоря словами М. Элиаде, «когда человек является *действительно самим собой*: в моменты совершения обрядов или других важных действий (питание, рождение, церемонии, охота, рыбная ловля, война, труд и т. п.)» (Элиаде, 2000, с. 46), – у фенменов (от первых Криков до Хенри, отца главного героя) появляется тяга к суевериям и/или к смыслополаганию легенд.

С течением времени в сознании болотных жителей запускается процесс «мифологизации истории» (Бондарев, 2016). М. Элиаде прослеживает логику трансформации исторических событий, для которых первостепенна конкретика, в миф, для которого характерна образность; «их можно было подвести под шаблон архаического способа мышления, неспособного к восприятию *индивидуального* и удерживающего (в памяти) лишь *образцовое*» (2000, с. 52). В романе Г. Свифта, когда большой мир начинает, шаг за шагом, подступать к болотистому краю, фенмены, в страхе «перед историей, чреватой отпадением от некогда установленного, божественного, миропорядка» (Бондарев, 2016, с. 81), преобразуют исторические факты в «новый строительный материал для новых сказок» (Свифт, 2017, с. 30). В XX веке этот процесс вступает в следующую стадию; говоря словами российского исследователя А. П. Бондарева, фенмена делает частью истории и вытесняет «из мифологии необходимость труда адаптации к динамично меняющимся историческим условиям» (2016, с. 81). Первая мировая война прочно связывает когда-то обособленные болота с цивилизацией: в 1910-х гг., когда «рабочих рук... стало категорически не хватать» (Свифт, 2017, с. 30), рушатся фенлендские дамбы, и возделанные поля уходят под воду. Водные токи, как мы понимаем, являются метафорой военных действий, охватывающих как приравняваемую к Фенам остальную территорию Англии, так и другие европейские страны.

Одним из фенменов, участников этой войны, является Хенри Крик, в когнитивном сознании которого стирается грань между реальностью и иллюзией, между настоящим и прошлым. В приюте для солдат Хенри долго не может вернуться в исходное состояние: «Ему кажется: осталась одна только реальность, для историй места больше нет» (Свифт, 2017, с. 32), – пока сиделка Хелен Аткинсон не исцеляет мужчину, рассказывая

ему истории и слушая их в ответ. Таким образом, в буквальном смысле *волшебная* сила любви постепенно возвращает Хенри Крику «сказочное» восприятие реальности; впоследствии их с Хелен сын Том услышит истории «о материнском молоке и человеческих сердцах» (Свифт, 2017, с. 32).

Интересно, что фенлендский миф, который в рассказах Криков сохраняет свою оригинальную, «сказочную» форму, в рецепции, например, Парров или Аткинсонов становится более приземлённым. Иными словами, в зависимости от человека, субъективно воспринимающего историческую реальность или рождённого в историческом пространстве, легенды болотистого края обретают реалистический характер.

Так, фенлендские байки становятся сплетнями/слухами, которые распускает Фредди Парр о дурачке Дике, возящемся с мотоциклом и понимающем машину лучше, чем непредсказуемых людей. Во-первых, Фредди банально не задумывается о настоящем характере этих «взаимоотношений» человека с мотоциклом. Во-вторых, скабрезные рассказы о том, что Дик «едет на нем в укромное какое-нибудь место, ложится с ним в траву и...» (Свифт, 2017, с. 58), возникают вследствие, как нам кажется, воздействующего на Фредди либидо.

Большой выдумщик, Фредди является посредником между своим отцом Джеком и браконьером Биллом Клеем, о котором рассказывает фенменам небылицы – «как он ест водяных крыс и гипнотизирует животных» (Свифт, 2017, с. 81). Мы полагаем, с помощью этих баек Г. Свифт вписывает Билла, мифологическую фигуру, в историческую реальность: Джек Парр через Фредди покупает у Клея, «сморщенного, обтянутого дубленой кожей ходячего скелета, чей возраст был не известен ровным счетом никому» (Свифт, 2017, с. 18), мешки с битой уткой и нелегально перепродаёт их силам ВВС США.

С самим Джеком, как мы увидим далее, происходит обратная ситуация: детективно-историческое событие, убийство его сына, вытесняет мужчину из времени и трансформирует в мифологичного фенмена. Нужно заметить, что Г. Свифт создаёт условия для этой метаморфозы задолго до смерти Фредди. Джек, постоянно пребывающий в алкогольном опьянении на своём вечном железнодорожном посту, вероятно, «устал каждый день смотреть, не имея права покинуть свой пост, на одни и те же безликие речные берега, на воду меж берегов, цвета флегмы» (Свифт, 2017, с. 169). Когда он, пьяный, решает покончить с собой и садится на рельсы, поезд не переезжает несчастного – благодаря стараниям миссис Парр. На следующее утро протрезвевший наблюдатель верит в то, что от смерти его спасло Божье чудо, хотя на самом деле его выживание имеет историко-фактическую подоплёку. В результате Джек, на которого плоские Фены ранее оказывали давящее воздействие, теперь убеждён в том, что «этот самый Фенленд... есть земля таинственная, волшебная страна» (Свифт, 2017, с. 172).

Для предпринимателя Томаса Аткинсона (его предки – выходцы из графства Норфолк) «Дренаж есть слово и впрямь довольно странное и даже волшебное» (Свифт, 2017, с. 101); оно обретает для Томаса материалистический смысл, поскольку, «повыжав из этой земли воду, он продает землю с десятикратной прибылью» (Свифт, 2017, с. 101). Эрнест Аткинсон, дедушка главного героя, своей деятельностью секуляризирует предание о святой Гуннхильде, которая слышала завывания болотных демонов и питала своё тело молитвами. Во-первых, Эрнест создаёт водную компанию, специализирующуюся на увеселительных прогулках на трёх катерах: «“Св. Гуннхильда”, “Св. Гатлек” и “Королева Фенов”» (Свифт, 2017, с. 232); за свою политику он впоследствии будет осуждён и осмеян жителями Гилдси. Во-вторых, в день восшествия Георга V на английский престол, 22 июня 1911 г., когда все желающие испробовали изготовленный Эрнестом по особому рецепту эль «Коронация», город захлёстывает пьяная оргия, и во всеобщем гомоне тонет звук колоколов церкви Св. Гуннхильды, которые «вызывали новому победителю здравицу» (Свифт, 2017, с. 252).

Отголоски легенды о святой Гуннхильде мы находим как в локальной истории Фенов, так и в личной истории Тома Крика. Гуннхильда даёт название городу Гилдси, где, в свою очередь, в её честь называют церковь и монастырскую школу, в которой учится Мэри Меткаф, – потенциальная «маленькая мадонна» (Свифт, 2017, с. 68). Считая, что Бог наказал её смертью Фредди за безмерное сексуальное любопытство, девушка уходит в добровольное затворничество. Тому доподлинно неизвестно, но в то время Бог говорил с Мэри, «как говорил Он сквозь завывания демонов к св. Гуннхильде»; рассказчик, кроме того, задаётся вопросом: «...не навещал ее, часом, с визитом призрак Сейры Аткинсон, который, согласно местным поверьям, часто является тем, чья жизнь остановилась...» (Свифт, 2017, с. 174-175).

Сейра – второстепенный персонаж романа «Земля воды», превращённый фенлендской молвой в легенду (глава «О возвышении дома Аткинсонов»), сравнивается с Гуннхильдой: у Сейры «пусть суровые, но ангельские притом черты» (Свифт, 2017, с. 124). Неподвижно сидя в кресле, она способна, по убеждениям суеверных людей, предсказывать исторические события (например, отмену Хлебных законов в 1846 году) и помогать своим предприимчивым сыновьям преобразовывать железнодорожную фенлендскую ветку в пассажирский маршрут. Хотя Том Крик излагает легенды о Сейре ученикам и обстоятельно рассказывает об «очевидцах», которые якобы видели женщину уже после её смерти, он не забывает напоминать (в том числе самому себе), что в классе по-прежнему идёт урок истории: «Может быть, и вправду Сейрина работа. Но давайте придерживаться фактов» (Свифт, 2017, с. 130).

Главный герой не единожды делает акцент на том, что легенда/байка может быть равноценна сплетне, рождённой на стыке с историческими обстоятельствами. Например, историю о том, что Сейру, бьющуюся в конвульсиях, в какой-то момент сыновья отправили в сумасшедший дом, стоит воспринимать скептически – этот слух распространён обиженной служанкой Аткинсонов, «которую уличили в том, что она бесстыднейшим образом беременна, и, естественно, тут же выгнали вон» (Свифт, 2017, с. 126).

Мифологическое благоговение жителей Гилдси перед Сейрой, по нашему предположению, восходит к событиям локальной (наводнение в Фенах 1815-1816 гг.) и большой истории (крах Наполеона Бонапарта),

вследствие которых цены на еду растут, и люди поднимают бунт. Тогда Сейра вместе с мужем пыталась помочь пострадавшим и накормить голодных. Спустя время феномены в благодарность за этот христианский поступок соболезнают жертве «подъюрдического» преступления – «инстинктивного поступка», который «совершался в состоянии аффекта, гасившего проблески самосознающей воли» (Бондарев, 2021, с. 222). Иными словами, канувшая в небытие Сейра обретает сочувствующих почитателей и даже паломников среди феноменов, которые, напомним, из года в год созерцают это самое небытие на пустующих болотах.

Том Крик задаётся вопросом, не обрела ли Сейра к концу своей жизни, в 1874 году, статус святой заступницы, смерть которой расценивалась многими как дурное предзнаменование? В день похорон Сейры начинается дождь, который «намекает на слезы небесные» (Свифт, 2017, с. 144), словно сама природа оплакивает кончину блаженной женщины, и возникает контраст мифологии и истории. Во-первых, дождь перерастает в обильный ливень, вызывает наводнение и преобразует в небытие дома, железнодорожные пути и земельные угодья; во-вторых, в потоке рождаются слухи – в Гилдси под потоками воды бродит женская фигура, похожая на Сейру, чтобы навестить свою могилу. Хотя никому нет дела до этих слухов, когда убывают воды и «приходится подсчитывать неутешительные цифры убытков» (Свифт, 2017, с. 153-154), молва продолжает их разносить, продлевая легенде жизнь. В день коронации Георга V, когда сгорела пивоварня Аткинсонов, несколько очевидцев видят Сейру (Том предлагает ученикам списать эти видения на результат воздействия алкоголя), которая говорит: «Пожар! Дым! Горим!» (Свифт, 2017, с. 261) – единственные свои слова, когда-то произнесённые в продолжительный период мученичества.

Перед тем, как подвести итоги нашего исследования, мы отметим, что Том Крик отказывается от мифологического мироощущения, когда приходит с Мэри к Марте Клей (глава «О ведьме»). Но, находясь в пути, рассказчик – пока ещё феномен, который идёт по болотам в сумерках, во «время сов и блуждающих огоньков» (Свифт, 2017, с. 430). Он и Мэри обеспокоены своей личной проблемой, поэтому в тот момент не могут быть заинтересованы течением «большой истории»; в юношеском восприятии Крика британские бомбардировщики – это «фенлендские гуси», которые откладывают «яйца» (бомбы) на территории фашисткой Германии тем июльским вечером 1943 года.

Учитель, вспоминая книгу о Хереворде Бдительном и леди Торфриде, задаётся вопросом о силе всепобеждающей любви. Если история Хереворда тесно переплетена со сказкой, в которой персонажей, сбегавших на болота, «в годину бедствий поддерживала любовь» (Свифт, 2017, с. 430), то в реальности Том и Мэри, оказавшись в самом сердце тёмных болот, чувствуют себя уставшими и напуганными. Позже Том становится свидетелем криминального аборта Мэри, который в антисанитарных условиях делает старуха, и эта леденящая душу картина вынуждает героя осознать, что ни в хижине фенлендской «ведьмы», ни в личности самой «ведьмы», ни в Фенах как таковых нет ничего волшебного. Дело в том, что в хибаре Марты Клей рассказчик скован сиюминутным страхом «Здесь и Сейчас», который в романе Свифта противопоставляется Истории – неизменной материи, хранящей вековые тайны, окутанной *мифами*, способной успокоить / избавить от страха. Именно с этой целью Том и рассказывает напуганным ученикам о своём родном, мифологическом крае, на закате карьеры придя к выводу, что «история есть байка» (Свифт, 2017, с. 92). Жизнь главного героя, таким образом, делает круговорот: ему, маленькому мальчику, который боялся темноты, мать рассказывает на ночь истории, эквивалентные мифам, – первые услышанные Томом истории.

Заключение

Исходя из поставленных в нашем исследовании задач, мы подводим итоги и приходим к следующим выводам.

Для романа Г. Свифта «Земля воды» характерна коррелятивная пара «художественный вымысел / реальность», которая становится возможной благодаря силе авторского воображения, позволяющей воплотить в тексте пейзажи Фенов.

Фенлендская мифология зарождается как ответная реакция / протест людей против пустоты болот, длительное время изолированных от всего мира. С развитием цивилизации многие феномены продолжают воспринимать важные события большой истории с точки зрения мифа, на котором они выросли («мифологизация истории»).

В «Земле воды» представлена следующая типология исторических реципиентов фенлендского мифа: 1) прагматики, преобразующие «волшебные» болота в ячменные поля (Томас Аткинсон); 2) люди, секуляризирующие религиозные предания (Эрнест Аткинсон); 3) сплетники (Фредди Парр).

Фенлендская байка может приобрести характер сплетни, распускаемой человеком, оказавшимся в неприятной ситуации. Так, уволенная служанка Аткинсонов, жертва исторических обстоятельств, утверждает (вероятно, с целью дискредитировать бывших хозяев), что сыновья Сейры поместили святую женщину в сумасшедший дом. Личность самой Сейры обрастает слухами, витающими между её почитателями, которым женщина когда-то по-христиански помогла.

Главный герой Том Крик излагает мифологию Фенов, с которой *начинается* формирование его личности, чтобы преодолеть давящее на него и его учеников чувство «конца истории». Учитель, подобно французским революционерам, ностальгирует по «золотому веку», из которого человечество уносится историческим течением. Тем самым система персонажей романа связывает Тома с подавленным отцом, которого поддержала на плаву сила любви к Хелен Аткинсон, рассказывающей Хенри Крику истории. В сознании учителя мифология переплетается с историей в процессе непосредственно исторического, въедливого расследования тайн прошлого, а страх героя, порождённый «Здесь и Сейчас», исчезает почти без остатка.

Перспективы дальнейшего исследования мифологии Фенленда мы видим в сравнительном анализе романов «Земля воды» Г. Свифта и «Сто лет одиночества» (*Cien años de soledad*, 1967) Г. Г. Маркеса; в выявлении черт «магического реализма» в свифтовском произведении; в поиске смысловых взаимосвязей между городом Макондо и Фенлендом, «землёй воды».

Источники | References

1. Бондарев А. П. Историзация мифа и мифологизация истории // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. Вып. 10 (749).
2. Бондарев А. П. Не дать событию сбыться, или Синдром непрожитой жизни // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 2 (844).
3. Сатюкова Е. Г. Феномен «английскость» в творчестве Г. Свифта: дисс. ... к. филол. н. Астрахань, 2012.
4. Стринюк С. А. Человек и история в романах Грэма Свифта: дисс. ... к. филол. н. Пермь, 2003.
5. Фомина Д. Г. Фены как топос «сказочной страны» в романе Грэма Свифта «Земля воды» ("Waterland") // Russian Linguistic Bulletin. 2022. № 6 (34). <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.34.2>
6. Хабибуллина Л. Ф. Английская литература между модернизмом и постмодернизмом: Энтони Бёрджесс и Грэм Свифт // Учёные записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2015. Т. 157. Кн. 2.
7. Шанина Ю. А. Бинарная модель мира в романе Г. Свифта «Земля воды» // Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований: материалы II международной научно-практической конференции. Пенза – М. – Решт: Социосфера, 2012.
8. Шанина Ю. А. Мифопоэтика романа Г. Свифта «Земля воды» // Российский гуманитарный журнал. 2013. Т. 2. № 1.
9. Conversations with Graham Swift / ed. by D. P. Kaczvinsky. Jackson: University Press of Mississippi, 2020.
10. Cooper P. Imperial Topographies: The Spaces of History in Waterland // Modern Fiction Studies. 1996. Vol. 42. Iss. 2.
11. Lea D. Graham Swift. Contemporary British Novelists. Manchester: Manchester University Press, 2005.
12. Malcolm D. Understanding Graham Swift. Columbia: University of South Carolina Press, 2003.

Информация об авторах | Author information

Варёшин Никита Владимирович¹

¹ Московский государственный лингвистический университет

Varyoshin Nikita Vladimirovich¹

¹ Moscow State Linguistic University

¹ skainik@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 08.01.2024; опубликовано online (published online): 28.02.2024.

Ключевые слова (keywords): Г. Свифт; болотистый край Фены; мифологическое мышление; историческая действительность; субъективное восприятие мифа; G. Swift; Fenland marshes; mythological thinking; historical reality; subjective perception of myth.